

УДК 811.133:398.9:811.161.1:398.9:303.023.2

Категория квантитативности в контексте фразеологии (на материале французского и русского языков)

С.Н. КОЛОЦЕЙ

Статья посвящена проблеме своеобразия французской и русской фразеологии с точки зрения возможностей количественного восприятия. Исследование очерчивает общие, универсальные черты восприятия количества и национально-специфические черты, что подчеркивает уникальность количественных представлений наций.

Ключевые слова: категория, количественное восприятие, фразеология, национально-специфические черты.

The article is devoted to the problem of peculiarities of French and Russian phraseologies from the point of view of the abilities of quantity perception. The paper outlines common, universal features of quantity perception and national-specific features, which emphasizes the unique character of quantitative representation of nations.

Keywords: category, quantity perception, phraseology, national-specific features.

Не вызывает сомнения многоплановость исследования проблемы языковой картины мира в общетеоретическом аспекте, а также выявление национально-культурной специфики языка и неповторимости культуры каждого народа. Язык является одним из ключевых компонентов понятия «национальная культура». Именно через язык реализуется культура, поскольку он особым знаковым способом передает мировосприятие народа, фиксирует и сохраняет информацию о наиболее важных, уникальных для него фрагментах действительности.

Число различных средств, служащих для формирования языкового (национального) образа мира, включает номинативные средства языка: лексемы, устойчивые номинации, фразеологизмы, фиксирующие то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности [7, с. 6]. Наличие определенных лексических компонентов, а также грамматические особенности языка являются свидетельством его национальной специфики.

Конструктивное восприятие национальных культур невозможно без рассмотрения фразеологических единиц, отвечающих за особую окраску языковой картины мира. Фразеологический фонд языка представляет собой неисчерпаемый источник для определения способов вербализации национального менталитета.

Категориальные свойства фразеологизмов рассматриваются учеными в различных курсах, которые позволяют решить вопросы, касающиеся семантических, структурных и функциональных особенностей фразеологических единиц, а также их отграничения от других языковых единиц [4, с. 42].

Квантитативная категория представляется одной из категорий, передающих с помощью языка уникальность количественных представлений каждого народа, интерпретацию его отношений с миром вещей, событий и другими представителями живой природы, различных взаимосвязей между событиями и / или объектами и / или их характеристиками, а также личное отношение к ним [1, с. 14].

Категория квантитативности является математической, логической, психологической, философской и лингвистической. Статус лингвистической категории количества интересен для понимания особенностей фразеологизмов, отражающих национально-культурную ментальность.

Исследователи подразделяют лингвистические категории на грамматические и понятийные, подчеркивая тем самым связь языка и логики, неразрывность языка и мышления, (Г. Гийом, В. Фон Гумбольдт, О. Эсперсен, С.В. Лескина, И.И. Мещанинов, О.А. Турбина), их универсальность и применимость ко всем языкам.

Грамматическая категория определяется лингвистами как группа или совокупность рядов грамматических форм с однородными значениями, где грамматическая форма представляет собой языковой знак, в котором находит свое выражение грамматическое значение.

По мнению О.А. Турбиной, которое поддерживают многие ученые, основным отличием грамматических категорий является такое категориальное свойство, как взаимоисключительность [8, с. 82]. Это означает, что грамматической категорией как составляющей лингвистической категории может быть только такой набор значений, элементы которого исключают друг друга, так как не могут одновременно характеризовать один и тот же объект. Свойство взаимоисключительности исследователи определяют также как свойство однородности.

Термин «понятийные категории», введенный в обиход О. Есперсенем, применяют к ментальным категориям, релевантным для языка и ориентированным, с одной стороны, на логико-психологические, а с другой стороны, на семантические категории языка [5, с. 11].

В отличие от грамматических категорий понятийные категории называют переходными от логических к языковым. Некоторые ученые считают их разновидностью лингвистических категорий, необходимой основой для функционирования семантических категорий.

Понятийные категории не обладают свойством взаимоисключительности. Они способны содержать набор значений, элементы которого могут быть представлены одновременно с разных позиций, могут входить в несколько классов, а также могут выражаться разными способами.

Таким образом, и грамматические, и понятийные категории относятся к лингвистическим категориям. Грамматические категории – это знаковые категории, понятийные категории – это смысловые категории с языковой составляющей.

Квантитативная категория как лингвистическая категория представляется выражением и реализацией определенными средствами языка, характеризующими определенные количественные связи между предметами и понятиями. Учитывая сказанное выше, можно заключить, что категория квантитативности является лингвистической категорией, включающей семантическую, грамматическую и понятийную составляющие.

Активное включение лексико-семантических средств выражения точного количества в состав фразеологических единиц исследователи видят в том, что число и счет были «сакрализованными средствами», с помощью которых репродуцировалась структура космоса и правила ориентации в нем человека [3, с. 21].

Натуральные числа зафиксированы во фразеологическом фонде различных языков, состоящем из словесных комплексов разных структурных, семантических и функциональных типов со своими особенностями, значительно отличающимися друг от друга. Несмотря на поразительное разнообразие фразеологического состава каждого языка, фразеологические единицы могут быть классифицированы по различным признакам [6, с. 65]. Рассматривая ту часть фразеологии, в состав которой входит компонент цифровой величины, прибегаем к классификации, предложенной А.М. Чепасовой [10, с. 10], в основе которой лежит свойство фразеологических единиц объединяться в семантико-грамматические классы. Семантико-грамматические классы имеют один тип семантики или одно категориальное значение. К ним относятся следующие фразеологические единицы: предметные, процессуальные, призначные, качественно-обстоятельственные, модальные и количественные.

Количественные фразеологизмы отличаются от числительных тем, что не способны обозначать «чистое» количество, хотя имеют тождественное с ними категориальное значение. Количество таких фразеологических единиц насчитывает около 0,8 % от общего числа [10, с. 15]. Их функционирование отражает особенности оценочных суждений определенных языковых коллективов.

Как известно, в традиционной культуре многих народов число «семь» является одним из наиболее сильных по своей информативности. Причину такого отношения к «семи» исследователи видят в том, что это синоним рока, судьбы, жребия, воздействия на человека высоких, как правило, враждебных или нейтральных к нему сил [9, с. 162].

В обеих лингвокультурах, русской и французской, выявляются общие черты восприятия этой цифровой величины. В русских фразеологизмах «семь» объективирует квантитативное значение «большое количество, много», при этом большое количество, реализуемое числительным «семь», может нести, как нейтральную оценку, так и положительную. Например: *семеро одного не ж дут; семь верст киселя хлебать; семь пятниц на неделе; за семью замками; книга за семью печатями; семь бед – один ответ; семеро одного не ж дут; семь раз отмерь – один отрежь; семи пядей во лбу; семь верст до небес; семь дел в одни руки не берут; семеро с ложкой, а один с сошкой* [11].

Лингвистические исследования показывают, что оценочную функцию могут выполнять различные языковые единицы. Фразеологизмы, как никакие другие единицы, фокусируют в себе оценочный потенциал. Именно на уровне фразеологии имеется возможность наиболее ярко и образно выразить оценочное отношение к окружающей действительности во всем ее многообразии. Оценка в широком смысле, как считает Е.М. Вольф [2], играет важную роль в коммуникативном процессе, выполняя прескриптивную функцию в механизме человеческой жизни и поведения.

Репрезентации количества «семь» во фразеологических единицах французского языка определяется характером самих единиц, внутренними законами языка, которым подчиняется сложная и «тонкая» система сочетаемости слов. Например: *laid comme les sept péchés capitaux* – страшный как все семь смертных грехов; *une des sept merveilles du monde* – это одно из семи чудес (восьмое чудо света); *prêcher sept ans pour un carême* – зря стараться; *les sept vaches grasses et les sept vaches maigres* – семь голодных лет после семи лет изобилия; *fvancer avec des bottes de sept lieues* – двигаться вперед семимильными шагами; *il faut tourner sept fois sa langue dans sa bouche avant de parler* – слово не воробей – вылетит не поймашь; *il se croit un des sept sages* – он слишком высокого мнения о себе [12], [13].

Число «один», вербализирующее сему «мало», в русских фразеологизмах может нести негативную коннотацию. Например: *один палец не кулак; один на стенку не пойдешь; один и у каши загинешь; один гусь травы не вытопчет; один как месяц в небе; один на один со своей бедой; один в поле не воин.*

Во французских фразеологизмах также встречается эксплицитное или имплицитное содержание отрицательной оценки. Например: *qui n'en a qu'un, n'en a pas* – один ребенок – это все равно, что ни одного; *un à un* – поодиночке, по одному; *toujours pêche qui en prend un* – лучше что-нибудь, чем ничего [13], [14], [15].

Специфическим для русских фразеологизмов является употребление числа «один» с положительной коннотацией. В этом отношении во французской лингвокультуре отмечается лагуна. Количество «один» получает одобрительную оценку в русской фразеологии, где речь идет о сообразительности, ответственности, добросовестности и т.п. Например: *один воин тысячу водит; один волк гоняет овец полк; один ершок – уха горшок; одна лиса семь волков проведет; одно зерно горсть дает; одно око, да видит далеко; одного храбреца и тысяча трусов не заменит* [11].

В русском фразеологическом фонде наблюдается оппозиция «семь – один», «один – тысяча» с содержанием положительной оценки и с оценочным употреблением.

В отличие от русской фразеологии французская фразеология представляет немалое количество фразеологических единиц с репрезентацией числа «четыре». Фразеологический словарь французского языка Я.И. Рецкера включает около ста амбивалентных фразеологических единиц с использованием количества «четыре», реализующих положительное или отрицательное значение: *être toujours sur les quatre chemins* – быть всегда в пути; *quatre à quatre* – одним махом, одним духом; *faire ses quatre volontés* – делать все по-своему; *laissez-lui prendre un pied, il en prendra quatre* – дай ему палец, он всю руку ухватит; *ne pas voir à quatre pas* – ничего не видеть и в двух шагах; *arriver en quatre bateaux* – явиться с большой помпой; *se saigner aux quatre veines* – лезть из кожи вон [12].

В русской лингвокультуре нет предпочтения количеству «четыре». В качестве примера можно привести лишь следующий русский фразеологизм, выражающий неодобрение, осуждение: *четыре полы, а бока голы* [11].

Таким образом, национально-культурные особенности фразеологии находят свое отражение в тенденции к использованию тех или иных цифровых величин, согласующихся с принципиальными установками фразеологизмов. Семантическая сущность фразеологических единиц проявляется и в лингвистической категории квантитативности. Выражение нумеральных значений пересекается с эксплицитным или имплицитным содержанием оценки. Это дает возможность определить категорию квантитативности как лингвистическую субкатегорию, представляющую собой сегмент пересечения категории количества с категорией оценки. Исследование количественных представлений, определение сходства и различия во фразеологии французского и русского языков уточняет национальную составляющую языковой картины мира.

Литература

1. Болдырев, Н.Н. Интерпретирующая функция языка / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 60, Филология. Искусствоведение. – 2011. – №33 (248). – с. 11-16.
2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М. : Наука, 1995. – 228 с.
3. Кириллин, В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси / В.М. Кириллин. – СПб. : Але Тейя, 2000. – 320 с.
4. Мелерович, А.М. Проблемы семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка / А.М. Мелерович. – Ярославль, 1979. – 79 с.
5. Мещанинов, И.И. Соотношение логических и грамматических категорий / И.И. Мещанинов // Язык и мышление. – М. : Наука, 1967. – с. 9–16.
6. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – М. : Высшая школа, 1987. – 288 с.
7. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 61 с.
8. Турбина, О.А. Формирование французского классического предложения: монография / О.А. Турбина. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 1994. – 269 с.
9. Фирсов, В. Тайная жизнь чисел / В. Фирсов. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2003. – 422 с.
10. Чепасова, А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Челябинск : ЧГПИ, 1083. – 94 с.
11. Фразеологический словарь русского языка / под редакцией А.Н. Молоткова – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.
12. Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Я.И. Рецкера. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. – 1112 с.
12. Maloux, M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maxims / M. Maloux. – P. : Larousse, 2006. – 656 p.
14. Guiraud, P. Les locutions françaises / P. Guiraud. – P., 1962. – 265 p.
15. Rey, A. Dictionnaire d'expressions et locutions / A. Rey. – P. : Robert, 2003. – 1087 p.